

Очень скоро возле стола собралась целая стайка детей.

За некоторыми пришли и взрослые.

Все жили неподалёку, поэтому даже если не были знакомы, лица друг друга видели не раз.

А дети, в отличие от взрослых, редко скрывают мысли.

Кому стало интересно, тот сразу спросил:

— Хуцзы, что вы едите? Вкусно?

— Бинфэнь. Очень вкусно, — ответил Хуцзы, не поднимая головы от миски.

Красивых слов он знал немного, зато взгляд ни на миг не отрывался от десерта. Этого оказалось достаточно, чтобы окружающие решили: в миске и правда что-то стоящее.

Одна из взрослых, пришедшая с ребёнком, всё ещё сомневалась.

— Никогда раньше не слышала про такой бинфэнь. Он точно вкусный?

Бабушка Хуцзы тут же поджала губы:

— Теперь услышала. Это же не наш прилавок. Какая выгода Хуцзы тебе врать?

Сама она могла сомневаться в словах собственного внука сколько угодно. Но другим — не позволяла.

Женщина подумала и решила, что логика в этом есть.

К тому же собственный ребёнок стоял рядом, смотрел, как остальные едят, и едва не облизывался. Жалко было мучить его из-за двух вэня.

Даже если вкус не понравится — ничего страшного. Зато потом не будет весь день вспоминать, как другие ели, а ему не досталось.

Не последние же деньги.

Почти все взрослые с детьми рассуждали одинаково.

Те, кто не захватил мелочи и не хотел возвращаться домой, занимали несколько вэня у знакомых.

Чжан Бэйтин почти сразу продал ещё несколько мисок.

За столом перестало хватать мест. Взрослые сами уступили скамейки детям, а свои миски держали в руках, ели стоя и болтали с соседями.

— А ведь и правда вкусно.

— Холодный, скользкий... Моей свекрови наверняка понравится. Надо быстрее доесть и позвать её попробовать.

Некоторым одной порции оказалось мало. Они прямо с пустой миской подходили к Чжан Бэйтину и просили вторую.

Толпа взрослых и детей шумела, смеялась, ела — и сама по себе стала лучшей рекламой.

Люди, приходившие сюда спастись от жары, обычно и без того любили оживлённые места. Делать всё равно было нечего. Стоило где-то увидеть толпу, как они, обмахиваясь веерами, неспешно подходили посмотреть, что происходит.

Для торговли нет ничего лучше любопытных зрителей.

Не прошло и часа, как половина чана, который Чжан Бэйтин привёз с собой, показала дно.

Рядом всё ещё стояли несколько человек, которые никак не решались купить.

Чжан Бэйтин вытер руки и громко объявил:

— Осталось всего несколько мисок! Кто хочет — сейчас самое время!

Один гэр после короткого раздумья сразу протянул монеты.

— Мне одну. Сиропа побольше.

Стоило первому решиться, как у остальных мгновенно появилось чувство, будто последний товар вот-вот уйдёт из-под носа.

Словно бобы на раскалённой сковороде, один за другим посыпались голоса:

— И мне миску!

— Мне тоже!

Все боялись, что если промедлить хоть немного, им уже ничего не достанется.

Покупателей оказалось сразу несколько, а бинфэня на всех явно не хватало.

К счастью, Сун Яньцин всё время внимательно следил за очередью и помнил, кто первым протянул деньги.

Чжан Бэйтин накладывал порцию — он принимал оплату.

Поэтому путаницы не возникло.

Несколько человек всё же остались без десерта и тут же начали жаловаться:

— Почему вы так мало приготовили?

— Завтра будете торговать?

Чжан Бэйтин с улыбкой отвечал каждому:

— Боялись, что не распродадим, поэтому не стали делать много.

— Завтра снова придём.

Семья Цянь ещё со времён деда Цянь Лянцая держала лавку тканей в южной части города.

К тому времени как дело перешло к нему, торговля процветала, а кроме лавки семья владела ещё несколькими помещениями, которые сдавались в аренду.

О еде и одежде Цянь Лянцаю беспокоиться не приходилось.

Да и дорогих увлечений у него не было. Обычно он либо сидел в своей лавке, либо бродил по улицам Юньяна и искал что-нибудь вкусное.

Вчера его сын Дундун вернулся после игр и неожиданно попросил денег.

Когда отец спросил зачем, мальчик рассказал, что у друга попробовал невероятно вкусный бинфэнь и договорился со всеми снова пойти есть его на следующий день.

Без преувеличения, в южной части Юньяна почти не осталось закуской или уличного прилавка, куда Цянь Лянцай хотя бы раз не заглянул.

Но о каком-то «бинфэне» он слышал впервые.

Цянь Лянцай сразу широким жестом заявил:

— Завтра отец сам тебя отведёт.

И как назло, на следующий день после полудня в лавку привезли новую партию товара. Как хозяин, он должен был лично принять груз и проверить количество.

Когда закончил, уже была середина часа Ю.

За это время Дундун несколько раз прибежал торопить его: если они сейчас не пойдут, Лэйлэй и остальные уже всё съедят и разойдутся.

Но Цянь Лянцай не спешил.

По описанию сына он решил, что бинфэнь — просто очередное летнее охлаждающее лакомство.

А по его богатому опыту, ни сладости, ни холодные напитки в городе всё равно не могли сравниться с изделиями кондитерской Сюй.

Он шёл главным образом ради нового вкуса и чтобы составить компанию сыну. Чего торопиться?

Так они и двигались: один — словно муравей на раскалённой сковороде, другой — никуда не спеша.

Когда после всех уговоров и перетягиваний они наконец добрались до площадки возле постоянного двора Наньчэн, Дундун облегчённо выдохнул.

Он быстро обвёл людей взглядом и тут же нашёл знакомое лицо.

— Там! Я вижу Хуцзы!

Цянь Лянцай посмотрел в указанную сторону.

Перед одним из прилавков действительно толпилось немало людей.

Неужели этот бинфэнь и правда настолько хорош?

Хуцзы тоже заметил их и подбежал.

— Дундун, чего ты так поздно?

— Лэйлэй и остальные уже ушли? — Дундун сразу расстроился. Они ведь договаривались есть вместе.

— Лэйлэй доел и пошёл с дядей смотреть другие прилавки, — шёпотом сообщил Хуцзы. — А у дяди Чжана бинфэнь уже закончился.

Дундун застыл.

Через несколько мгновений очень медленно повернул голову к отцу. По лицу было видно: ещё чуть-чуть — и заплачет.

Цянь Лянцай и сам удивился.

Сейчас только середина часа Ю, до темноты ещё по меньшей мере два часа. А новое угощение, которое первый день вышло на рынок, уже распродали подчистую.

Интерес к бинфэню сразу вырос.

Он взял сына за руку и повёл к прилавку.

Когда они подошли, Чжан Бэйтин и Сун Яньцин уже собирали вещи. Рядом стояли несколько покупателей, которые тоже пока не ушли.

Дундун всё ещё надеялся на чудо:

— Совсем ничего не осталось?

— Давно уже нет, — развёл руками один из тех, кому самому не хватило. — Я раньше тебя пришёл и то остался без миски.

Дундун опустил голову и замолчал.

Цянь Лянцаю стало неловко.

После обеда он видел, какое яркое солнце на улице, и специально не торопился выходить. По дороге сын рвался вперёд, а отец ещё и замедлял его.

Он потёр нос и попытался исправить:

— Ну ничего. Отец отведёт тебя в кондитерскую Сюй, съедим ледяного супа из маша.

Дундун подумал — и покачал головой.

— Не надо. Завтра снова сюда придём.

Немного помолчал и добавил с особой серьёзностью:

— Только завтра рано! Я хочу две миски!

— Да хоть три, если осилишь! — Цянь Лянцай погладил сына по голове.

Завтра он непременно выйдет раньше.

Очень уж хотелось понять, что за десерт заставил ребёнка добровольно отказаться даже от кондитерской Сюй.

Чжан Бэйтин и Сун Яньцин собрали вещи, позвали работника постоянного двора забрать стол со скамейками, сразу заплатили за место на следующий день и отправились домой.

Они даже не успели разгрузить тележку, как Чжан Бэйтин схватил сосуд с деньгами, потянул Сун Яньцина за собой и почти бегом направился к столу в главном зале.

— Считаем, сколько сегодня заработали!

Его восторг был вполне объясним.

После утренней покупки овощей у Чжан Бэйтина оставалось всего три медных монеты.

Он радовался настолько искренне, что Сун Яньцин, конечно, не стал его останавливать. Да и сам был счастлив: они действительно заработали деньги.

Чжан Бэйтин перевернул сосуд над столом.

Медные монеты с приятным звоном посыпались на деревянную поверхность.

Обоим этот звук показался необыкновенно красивым.

Чжан Бэйтин пересчитывал монеты по одной, а Сун Яньцин разделял слипшиеся и складывал рядом.

Сосуд был заполнен меньше чем наполовину, поэтому подсчёт закончился быстро.

Чжан Бэйтин поднял одну руку с одним пальцем, другую — с пятью, и не смог скрыть радость в голосе:

— Сто пять вэня!

Если прибавить семь вэня, которые они уже отдали за завтрашнее место, получалось сто двенадцать.

Примерно столько он и рассчитывал выручить.

Но одно дело — прикинуть цифру в голове, и совсем другое — держать настоящие деньги в руках и пересчитывать самому.

Чжан Бэйтин всё ещё перебирал монеты пальцами.

— Давай вечером снова сходим в бакалейную лавку и купим добавки для бинфэня.

Теперь у них были деньги, а значит, десерт можно было сделать интереснее.

— Хорошо, — кивнул Сун Яньцин.

— И овощей купим.

Два дня почти одной растительной еды — у Чжан Бэйтина уже желудок протестовал.

— Угу.

Они вымыли миски, ложки и чан, в которых был бинфэнь, после чего взяли заработанные сто пять вэня и направились в лавку.

Список покупок Чжан Бэйтин продумал заранее:

один цзинь кунжута,

один цзинь арахиса,

два цзиня клейкого риса.

Обжаренный кунжут и дроблёный арахис давали аромат и хруст — классические добавки к бинфэню. А клейкий рис можно было смолоть в муку и сделать маленькие рисовые шарики, чтобы десерт стал разнообразнее по текстуре.

Уже перед расчётом Чжан Бэйтин попросил ещё половину цзиня белого уксуса.

Когда-то во время путешествий он видел места, где люди любили добавлять немного уксуса прямо в бинфэнь.

Раз уж они решили торговать, по возможности стоило учитывать вкусы разных покупателей.

Арахис и уксус оказались сравнительно дешёвыми — по шесть вэня за цзинь. Клейкий рис стоил восемь, а кунжут был самым дорогим — двенадцать вэня за цзинь.

Всего вышло тридцать семь вэня.

Треть только что заработанного состояния исчезла мгновенно.

Зато этих запасов должно было хватить на несколько дней.

После лавки они пошли к мяснику, но опоздали.

Расспросив людей, Чжан Бэйтин узнал: летом мясники боялись, что непроданное мясо испортится за один день, поэтому несколько человек обычно делили между собой одну свинью. К полудню почти всё распродавали и закрывали прилавки.

Зато на обратной дороге им повезло встретить рыбака, только что вернувшегося с реки.

У него они купили большого белого амура.

За городской стеной проходил судоходный канал, поэтому рыба и прочие водные продукты в Юньяне всегда стоили недорого. К тому же уже наступал вечер, когда товар продавался хуже.

За амура весом больше трёх цзиней рыбак в итоге взял всего двадцать вэня.

Раз уж появилась рыба, Чжан Бэйтин зашёл к Хэ Хаю и купил квашеную зелень, имбирь, чеснок, сушёный перец и прочие приправы.

Расплатившись, он спросил:

— Ты примерно когда закрываешься?

— Сейчас уберу всё и пойду домой, — ответил Хэ Хай.

Чжан Бэйтин поднял повыше рыбу в руке.

— Если вы с Лэйлэем вечером свободны, приходите к нам ужинать. Я приготовлю рыбу с квашеной зеленью.

Сегодняшняя торговля бинфэнем началась настолько удачно благодаря Лэйлэю и его маленьким друзьям.

Чжан Бэйтин вообще не хотел брать деньги ни с ребёнка, ни с Хэ Хая, но тот настоял: они первая продажа за день, значит, деньги обязательно должны попасть в кассу.

Так что благодарность оставалась за Чжан Бэйтином.

Теперь у него как раз была большая рыба. Можно и ребёнка поблагодарить, и хорошие отношения с соседями укрепить.

— Конечно, — на этот раз Хэ Хай не отказался.

Ему самому было интересно, сколько поварского мастерства дяди Чжана успел перенять Бэйтин.

— Лэйлэй острое ест? — уточнил Чжан Бэйтин.

— Ест. Он вообще всё ест.

<http://bllate.org/book/20100/1989976>